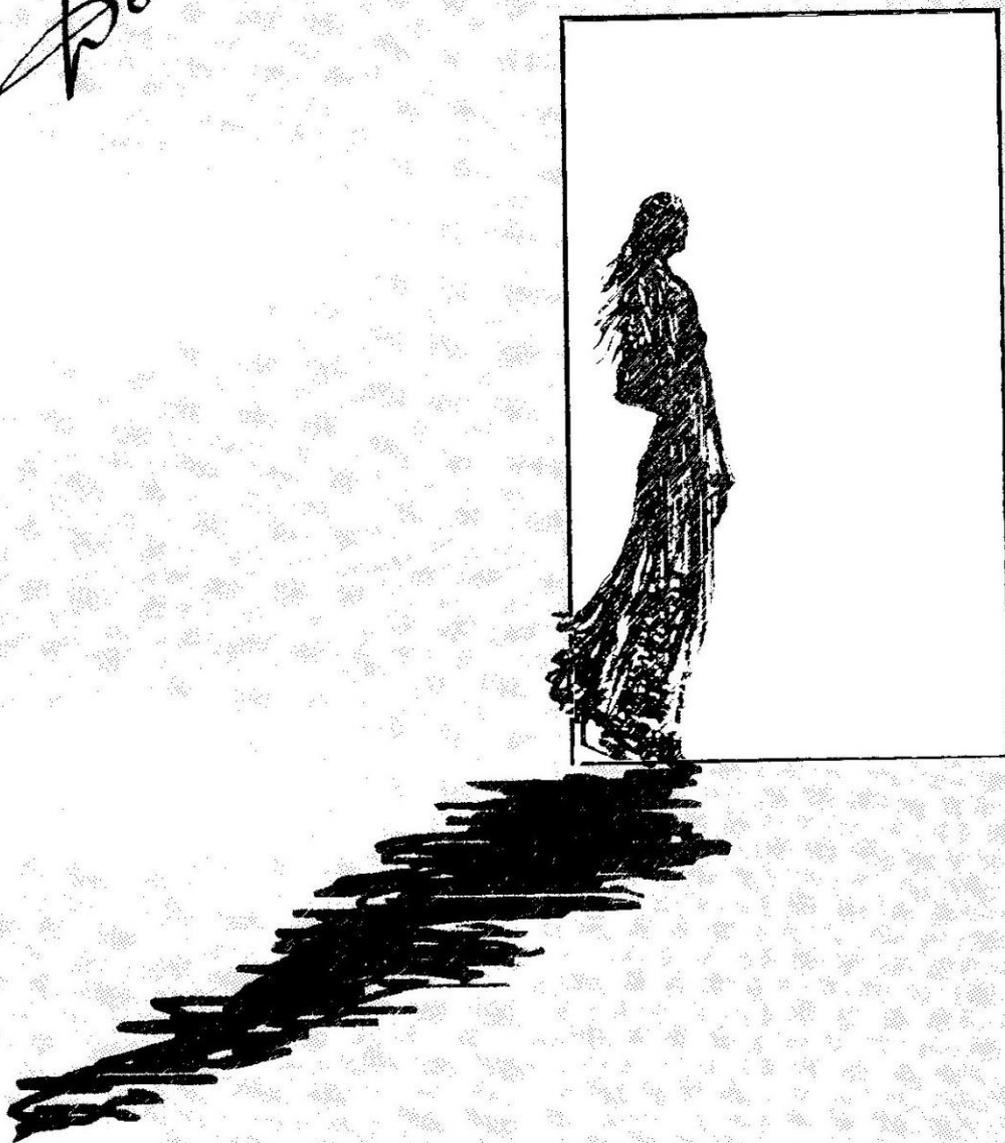

Востужаться до сердца
Кому твоему...

Людмила Ханаева

Для любопытных...

«Достучаться до сердца хочу твоего» - моя вторая книга. Родилась она по инициативе студентки факультета искусств СГУ Пипченко Екатерины Александровны. Идея еще витала в воздухе и ждала воплощения... Но однажды пришла ко мне Катя и попросила у меня стихи, чтобы оформить книгу. Конечно же, мне было приятно, что она угадала мою идею, которая еще маячила где-то вдали. Мы выделили лирический цикл «Достучаться до сердца хочу твоего» из моего поэтического сборника «И стихи срываются с пера», который был издан в 2005г. На этом материале Катя защищала свою курсовую работу. Мне осталось только дополнить ее новыми стихами и прозой.

Книга начинается с раздела: «Как странно, что все уже было ...», который посвящен мужу Ханаеву В.П. Вторая подборка стихов названа: «Мысли вслух ...» Третья часть - «Проза». В ее основе - пять рассказов, их главная героиня – женщина: обманутая, растерянная, предприимчивая... Кого не интересуют женские проблемы, лучше не перелистывайте следующую страницу.

Ну а тем, кто все-таки заинтересовался, хочу сказать: поверьте, мы очень старались!

Коротко о себе и о Кате:

Родина наша – Север, место рождения – Сыктывкар. Объединяют нас родственные отношения и общие планы, а разделяют - прожитые годы и жизненный опыт. У Кати еще все впереди, но я верю в ее женское счастье и творческое будущее. У меня же многое - в прошлом... И, несмотря на это, мне было интересно с ней работать, видеть восприятие моей поэзии и прозы ее глазами... глазами художника, глазами состоявшейся молодой женщины, которую не просто любят, а обожают. Конечно, в жизни не все так безоблачно, и каждому человеку приходится преодолевать какие-то сложные ситуации, непростые взаимоотношения. Мне очень хочется, чтобы аура любви и взаимопонимания окружала и помогала Кате всегда. А еще я хочу пожелать, чтобы воплощение художественных идей приносило ей только радость...

Вместе с нами над сборником работала представитель редколлегии Эжвинского поэтического клуба «У камелька» Прилуцкая Маргарита Владимировна. Я высоко ценю ее поэзию, художественный вкус, мудрость, опыт и такт в редакционной работе.

Итак, если вы все-таки решились заглянуть дальше, приятного вам чтения!

Ханаева Л.Г.

Как странно, что все уже было...

Эти строки рождались в процессе моего общения с мужем. Мы, как и многие молодые люди, ссорились, расставались и, забывая обиды, опять пробовали начать все сначала... Каждая строчка этого цикла возвращает меня к каким-то воспоминаниям.

* * *

Глаза, что в бархате ресниц,
Тепло таят.
Ищу среди знакомых лиц
Я твой лишь взгляд.
Мне тайну сердца приоткрой
И будь смелей.
Душе так холодно одной
Среди людей.
Всплывают в памяти слова,
Печаль легка.
И счастье видится едва
Издалека.

* * *

Твой букет ромашек белых
Я прижму к груди,
Поведу плечом несмело
Предложу: "Пройди".
И окружит нас прохлада
С легкой синевой.
Сядешь ты со мною рядом,
Будешь сам не свой.
Улыбнется тихий вечер,
Заглянув в окно.
Рад ли будешь нашей встрече -
Мне не всё равно!

* * *

Нет, не пришёл, и входные не хлопнули двери.
Дождь моросит, и не тянет нисколько ко сну.
Мокнут скамейки у дома, и мокнут качели,
Ветер холодный мешает деревьям уснуть.
Мрачно и сыро бывает под осень ночами.
Странные шорохи вдруг вызывают испуг.
Днём на вопросы подруг пожимаю плечами:
В том, что мне грустно, никто не виновен вокруг.
Кто-то сочувствует, кто-то дает мне советы
На протяжении холодного хмурого дня...
Но промелькнёт в голове: "Что ты делаешь, где ты?
Как же ты мог и с кем перепутал меня!»
Было уютно с тобою мне даже и в холод:
Не замечала я серых обыденных дней.
Ты позови меня взглядом, улыбкою, словом.
Дождь за окном, но я жду, - приходи поскорей!

* * *

Достучаться до сердца хочу твоего,
Чтоб особое слушать звучанье его.
Разливается жёлтым свеченьем луна
И по синему небу гуляет одна.
Глядя холодно сверху, она, не спеша,
Все гадает, что хочет земная душа.
Разве ей объяснить, что хочу я немного:
Мне узнать бы: объято ли сердце тревогой,
Есть ли боль на душе твоей, есть ли печаль,
Что хотел ты от жизни, чего тебе жаль?
Я бы нежно к щеке приложила ладонь,
Чтоб меня согревал твой душевный огонь,
Чтобы с неба вечернего, вечно одна,
Мне, завидуя, молча смотрела луна.

* * *

Шары на ёлках, бусы, мишура,
А за окном на праздник не похоже.
Заладила метель возню с утра,
Неласково бросает снег в прохожих.
Сюрпризом к нам пришла под Новый год,
Скулит тихонько снежными устами,
То ошалело ринется вперёд,
То крутится у окон, рядом с нами.
Но даже если не взойдёт луна
И заметёт тропинку у порога,
Её надежда и наивна, и смешна -
Ты всё равно найдёшь ко мне дорогу.

* * *

Молчал мой телефон в углу на полке.
Прислушивались за окном кусты.
Они со мною удивлялись долго,
Что позвонить не захотел мне ты.
Не верила упорно и мечтала,
Придумывая за тебя слова.
Но телефон молчал в углу устало,
Просматриваясь в сумерках едва.
Друзья звонили, не подозревая,
Что принимаю их звонок за твой.
Сменила лето осень золотая
И улыбнулась солнечной листвой...
Берёзке у крыльца в юбчонке белой
Шептали невысокие кусты,
Что к мысли возвращаюсь то и дело:
Ну почему не позвонил мне ты?!

* * *

Хочешь, ради тебя я заброшу стихи?
Буду думать, мечтать, говорить по-другому.
Ты прости мне невинные эти грехи,
Вновь услышать хочу я твой голос знакомый.

«Непонятной» обидно мне быть и «чужой».
Пусть нелепые сгинут скорее преграды
И закружит нас яркой осенней волной,
Ослепительным вихрем пора листопада!

Я надена красивый вечерний наряд
И с улыбкою встречу тебя у порога.
Мне теперь все равно, что о нас говорят,
Хочешь, буду я ласковой, нежной, нестрогой?

Осень правит свой бал все смелей и смелей,
Ветер кружит листву то небрежно, то грубо.
Ты утешь меня словом, улыбкой согрей...
Мой душевный покой так раним и так хрупок!

* * *

Когда уже не ожидаешь чуда,
Постыло всё, не радует никто.
Не хочется ни света, ни уюта
Заходишь ты и у дверей, в пальто,
Прощенья просишь виноватым
взглядом,
Улыбкою несмелою своей.
Я знаю, что забыть размолвку надо,
Шаг сделать к примиренью поскорей.
Сказать, наверно: «Как тебе я рада!
Снимай пальто и на диван садись».
Но я молчу... Я в пол смотрю куда-то...
И снова осложняю нашу жизнь...

* * *

За окошком моим снегопад, снегопад -
И немые снежинки летят наугад,
И полётом замедленным радуя взор,
Всё ложатся на белый пушистый ковер.
Нами прожитый день догорает уже.
Только что-то моей беспокойно душе.
Снег искрится у дома, вокруг - тишина,
А душе моей боль всё яснее слышна.
И припомнить заставит слова твои ночь,
Растревожит меня и уйдёт тихо прочь...

* * *

Когда ты усталый с работы приходишь,
Мне много не надо, улыбку всего лишь.
Я сил набираюсь от тёплого взгляда
И выслушать я, и помочь тебе рада.

Но если мне плохо, то хмуришь ты брови.
Не хочешь понять моей грусти и боли.
Становишься резким, чужим, недоступным,
И рядом с тобою мне так неудобно.

Об этом твержу я, мой милый, отколе?
Но ты мне в ответ всё равно хмуришь брови!

* * *

Сколько слов обидных и колючих.
Я не узнаю тебя, не верю!
Ты решил - тебе так будет лучше,
Не простился, просто хлопнул дверью.
А за окнами капель стучала,
Щебетали где-то рядом птицы.
Мне бы успокоиться сначала,
Может это сон, и всё мне снится:
Я проснусь и посмотрю направо -
Рядом ты, в кровати спит сынишка.
Улыбнется солнышко лукаво
И в окно ворвётся яркой вспышкой.

* * *

Я хотела уйти
И жестоко разрушить твой образ,
Чтобы дождик осенний
Унял мою пылкость и страсть.
Но в дверях удержал меня
Твой неожиданный возглас,
Листьям жёлтым не дал
В этот вечер под ноги упасть.

Я хотела забыть
И начать для себя все сначала:
Чьи-то слушать слова
И скучать среди добрых людей.
Для меня эта пытка,
Пойми, будет стоять немало...
А на улице ветер
Гоняет листву всё быстрее.

Я так мало прошу,
Я прошу - ты прими мою нежность,
Мою слабость прими
И мою беззащитность прими.
Ведь погубит осеннее золото
Снег неизбежно.
Пусть же чувства мои
Не остудят холодные дни!

* * *

Я в любви тебе не клянусь,
Слишком разные мы с тобой.
Но грустит во мне твоя грусть
И болит во мне твоя боль.

* * *

Почувствовать, что не любима,
Вдруг разгадав холодный взгляд.
Представить, как проходишь мимо,
Представить, как другой ты рад.

Понять, что все слова некстати,
Некстати нежность, даже месть.
И в беглом отрешенном взгляде
Жестокий приговор прочесть!

* * *

Вот и сны сбылись, мой милый, вещи.
Потеряла царскую я власть.
От меня ушёл к другой ты женщине,
К той, что пробудила в тебе страсть.
В снах своих я видела пророчество.
В них ты на себя был так похож:
Восседал на троне, как Высочество,
А вокруг - интриги, страх и ложь.
Отдавал свои приказы строгие,
Холодно готовил мою казнь.
А потом лизало пламя ноги мне,
Душу обжигало сколько раз?
Видела себя огнём объятую -
Ох, как больно, милый, было мне,
И тебя, безжалостную статую,
Проклинала я в тревожном сне!

* * *

Не удержал растерянный мой взгляд -
Не избежал ты рокового шага.
И, словно надорвавшийся бродяга,
Бросал листвою ветер невпопад.

Холодный снег я встретила одна.
Твои следы он заметал небрежно,
И между звезд участливо и нежно
Свет разливала тихая луна.

Не отступали долго холода!
Но застучала вновь капель весною:
“Ему уютно, как тогда с тобою
Уже не будет, слышишь, никогда!”

Боль улеглась. И снова за окном,
Лаская душу ярким листопадом,
Деревья демонстрируют наряды
И в сердце мир и лад опять моем.

Ты хочешь прошлое вернуть назад?!
На что надеется, и что упорно ищет
На обгоревшем тихом пепелище,
Несмелый и растерянный твой взгляд?

* * *

А счастье удалилось незаметно,
Прикрыв тихонько дверь, оно ушло.
Луна струила свет тоскливо - бледный,
И ветер за окном смеялся зло.

Не выдержало ссор оно, упрёков,
Не попрощалось и не взяло кладь.
Ушло своей неведомой дорогой
И не сказало, где его искать.

Следы припорошило белым снегом.
Я знаю, ждет меня нелёгкий путь.
Иду одна под тихим звёздным небом,
Хочу найти его и в дом вернуть...

* * *

Лето кончилось. Видишь,
Вон тянутся птицы на юг.
Скоро будут снежинки
Кружиться и медленно падать.
Но тебе всё равно,
Ты не слышишь, что я говорю.
И за нашим окном
Догорает пора листопада.

А за нашим окном
Молча падает в лужи листва.
Ветер тихо скулит,
От дождей размокает дорога.
Я теряюсь в догадках,
Какие придумать слова,
Чтобы рядом с тобою
Мне было не так одиноко...

* * *

Не ревнуй меня к прошлому, милый.
И не спрашивай, как в листопад
Листья жёлтые ветром кружило,
И летели они наугад.
А когда побелела равнина,
Снег укрыл её всю, не спеша.
Ты не спрашивай, с кем у камина
Молча слушала вьюгу душа.

Не ревнуй меня к прошлому, милый:
За порогом утихнет пурга.
Нас волшебной, пьянящею силой
Ароматные встретят луга.
Как туман, растворится бывшее...
И пусть ветер, безудержно злой,
Снегом стелет под яркой луною -
Мне не холодно будет с тобой!

* * *

Я все испытала: теряла я и находила,
Любовь я познала, ее обжигающий плен.
Бывали минуты, что жить уже не было силы,
Но что-то хорошее тут же спешило взамен.
Узнала предательство, горькую цену разлуки,
Порою мне видеть совсем не хотелось людей.
Иной раз душа изнывала от лени и скуки -
Но, жизнь познавая, она становилась мудрей.
Встречало меня теплой ласкою южное лето
И с детства не нравилась сырость осеннего дня.
Была я в морозы по-дружески кем-то согрета,
Когда ошибалась, то люди прощали меня.
Не первый десяток, меняя, по жизни иду я.
Вниманием близких, участием их дорожа.
Бывает, взгрустнется, но чаще, как в детстве, ликуя,
Душа повторяет: “ А все-таки жизнь ХОРОША!”

* * *

Не миновать и нам разлуки.
Дожди пройдут,
И ляжет белый снег без звука
И там, и тут.
Реку скуёт. А лес дремучий
Придавит мглой.
И ветер замахнется круче
В тиши ночной.
Со временем так ясно станет,
Что впереди:
Охватит нас с тобой желанье
Покой найти.
И будет жить нам друг без друга
Так тяжело...

Не вовремя завывла вьюга,
Все замело!

* * *

Как странно, что все уже было,
Все в прошлом – улыбки, слова...
И только на холмик могилы
Бесшумно ложится листва.

Как странно, что нет тебя рядом
Лишь мокнет трава за окном.
И снег без тебя будет падать
На речку, на поле, на дом.

И долго казаться, иль сниться
Мне будет в метель или в дождь,
Как ты, умирая, в больнице
Меня еле слышно зовешь.

Душа твоя спустится с неба
И тенью мелькнет за окном.
Услышу слова твои: «Мне бы
На миг, но вернуться в наш дом...»

Мысли вслух ...

* * *

Природа отпустила ей сполна:
И ростом вышла, и лицом, и голосом.
Как молодая сосенка стройна,
И, словно шелк, на грудь спадают волосы.

Для зависти есть множество причин:
Красивая, удачливая, смелая.
И покоряет с легкостью мужчин –
Хоть ничего для этого не делает!

Но разве виновата в том она,
Что ждут ее и ищут с ней общения...
Что не теряет голову, умна,
Во всем имеет собственное мнение.

Лишь не понятно ей, ну почему,
Когда твердят вокруг нее – «Красавица!»
Обыкновенному мальчишке, одному
Такая вот она совсем не нравится!

* * *

Не успели вы опомниться,
Не узнали голос вы.
Кто же вслед сказал:
“Любовница”

Не заметили, увы!
Чья же это память строгая
Растревожила всерьез,
И за душу, больно трогая,
Довела опять до слёз.
Связь всегда была случайная.
С жадных губ и сильных рук
Исходила горечь тайная:
“Он - ворованный супруг!”
В чьём-то незнакомом доме
Напрягали нервно слух.
Вас в той сладостной истоме
Осуждал хозяйский дух.
Ох уж это одиночество!
В праздники, по выходным
Как пройтись порою хочется
По аллее рядом с ним.
Надоел диван вам с книжкой,
Телевизор, сытый кот.

Повозиться бы с сынишкой,
Материнских бы забот:
Детский плач, пелёнки стопкою,
Магазин, бельё, плита.
Каждый день - халат с оборкою,
Кухня, стирка, суета...
День уже к закату клонится:
Не пришел. Одна - опять.
Как не просто быть любовницей –
Каждый день чего-то ждать!

* * *

То мечтает, то мучат сомнения,
То отчаянье гасит в себе -
Пишет женщина объявление
О нескладной, нелегкой судьбе.
Ну, конечно, решиться не просто
Даже, если давно сорок пять.
Разве важно, какого он роста!
Что о нем ей хотелось бы знать?
А потом: "Я умею готовить,
Будет в доме тепло и уют..." -
И опять, прочитав, хмурит брови,
Нет, не так ее все же поймут!
Как вместятся в те скудные строчки
Одинокие все вечера?
Недовольно бросает листочки.
Для невесты решит, что стара.
Нет же, главное в жизни не это!
Дочка есть у нее, внук и зять.
И отложит подальше газету,
Шарфик станет кому-то вязать.
Но опять одолеют сомненья
И почувствует жалость к себе...
И вернется она к объявлению
С вечной верой в удачу в судьбе.

* * *

Тихо в доме.
Дети спят.
Стынет ужин.
Во дворе уже темно.
Слякоть.
Лужи.
Смотрит женщина в окно.
Ей тревожно.
Всё прощать, чего-то ждать,
сколько можно?
Он придёт, пахнет опять
перегаром,
Эти сцены, этот мат...
Как устала!
Замахнётся на нее неуклюже

И начнет стращать:
    “Уйдёшь - будет хуже!”
И в ботинках на постель,
    и в рубашке,
Раньше Дашенькой была,
    нынче - Дашка.
Покидают край родной
    птицы в стаях,
Не жалеют ни о чём, улетаю.
Так ей хочется взлететь,
    словно птица....
А в душе тоска да страх...
    И не спится.
Тихо в доме.
    На столе стынет ужин.
Плачет осень за окном.
    Слякоть.
    Лужи.

* * *

Возможно ли по выгодной цене
Преподнести красиво тело?
Потом шутить, довольной быть вполне,
В глаза смотреть знакомым смело.
Смеяться, плакать и боготворить,
Работать, жить, а между делом
Нестрогою, подыгрывая, быть
И чтоб душа при этом не болела.
Возможно....

* * *

Заботами своими жил роддом,
Лил дождь за окнами и собирался в лужи.
«Себя простить не сможешь ты потом!» -
Врач убеждал - «...не торопись, послушай...»

Нет, не прижала малыша к груди,
Ни нежность не проснулась и ни жалость.
Оправдывалась: «Некуда нести...
Любимый предал...» Все же - отказалась!

Не задержалась долго у ворот.
Уйти быстрее хотелось от пеленок,
Болезней, непредвиденных забот:
Не вписывался в жизнь ее ребенок.

Осенний ветер побежал за ней.
И, не умея говорить словами,
Отчаянно, за брошенных детей,
Что было сил, хлестал ее руками.

Смотрели женщины ей молча вслед:
Малютку им по-бабьи было жалко.
«Ни материнских чувств, ни страха нет!» -
Ворчала, убирая, санитарка.

ПРОЗА

Талоны на любовь

Тамара Ивановна Нечаева возвращалась с родительского собрания. Мысли ее перепрыгивали с одного на другое, но все время возвращались к талонам. Как только они появились в их городе, на нее повеяло холодом карточной системы тяжелого военного времени. Правда, в магазине еще можно было кое-что купить, поэтому нововведение, как ей показалось, не особо насторожило горожан. Хотя раньше она и ее знакомые покупали только то, что нужно было, теперь же приобретали все, что было положено. В начале года их семье вручили вместе с талонами на чай, сахар, моющие средства и винно-водочные изделия таинственные талоны № 1 и № 2. На них не было указано, на какой дефицит получающий имел право. Разные ходили слухи. Некоторым мечталось, что это будет долгожданная порция мяса, вид и вкус которого многие стали забывать, а вот ее голубоглазому наследнику привиделось в этом что-то необычное. Он усмотрел в них любовь. Используя принцип: все по талонам, ее сын Миша вместе с другом изготовил талоны для своего класса. Они даже внесли разнообразие: кому предназначались талоны на свидание, кому - на поцелуй. На большее - или не посмели посягнуть, или не хватило фантазии. Идея сына вызвала оживление в детском коллективе. Учителя, заметив странное волнение среди воспитанников, стали наблюдать, во что выльется необычный ажиотаж. Он кончился тем, что в один из февральских дней в классе оказались девочка с мальчиком. Остальная часть 5 “в” подпирала дверь, смачно улюлюкала и подсматривала в замочную скважину. За ней находились счастливые обладатели талона “на свидание”. Девочка плакала, а мальчик метался около плотно закрытой двери, пытаясь ее открыть. Такое необычное вознаграждение получи автор за свою идею.

“Ах, вот почему Миша так тревожно смотрел на меня, а в последние два дня особенно тщательно готовил к собранию” - ставила все на свои места Тамара Ивановна.

- Мам, может, ты не пойдешь? Я скажу Ольге Николаевне, что у тебя много работы.
- Ты в чем-то виноват? - Но сын не использовал этот шанс, а продолжал убеждать.
- В школу ты сходишь, только в другой раз, ну, в другое время. Так родители делают.

И только на собрании Тамара Ивановна поняла, что же так мучило Мишу.

«Все, что происходит вокруг, дети пропускают через себя. Своеобразно восприняли они и талонную систему. Их фантазии, конечно, нет границ, - рассказывала классная руководительница о бурной жизни своих подопечных, комментируя необычный эпизод. - Не напоминайте детям о случившемся. Мы разобрали этот случай в узком кругу. Чувственного интереса в их возрасте еще нет. Работающие с вашими детьми учителя решили, что этого разбора достаточно, не стоит больше заострять их внимание на этой теме», - попросила Ольга Николаевна.

К вечеру подмораживало. Дорогу освещали уличные фонари. Высокие дома смотрели на сероглазую женщину разноцветными окнами. Ей казалось, что за каждым из них уютно и тепло, и живут там только послушные дети и довольные своими детьми родители. Окна их квартиры излучали такое же умиротворенное спокойствие.

“Отчего же мне так сложно?” - размышляла она. - “Нет, не только мне. Вот и Димина мама возмущалась на собрании, что нашла у сына порнографические снимки, а, якобы дал ему эти снимки его одноклассник”. - Резкий порыв ветра прервал ее размышления.
” Холодно”, - подумала Тамара Ивановна и опять вернулась к сыну.

- Мам, откуда я появился? - было ему лет пять, когда он задал ей этот вопрос.
- Ты помнишь Мурку у бабушки?
- Которая потерялась?

- Да, бабушкина любимица. Наш пушистый Ласка - ее сын. Он появился в животе Мурки. Это еще не был котенок, а крошечный комочек. Оберегала его Мурка, осторожно ступала, чтобы хорошо было ее малышу. Котенок рос, у него появились лапки, хвостик, ушки. Когда тело его покрылось теплой шерсткой, и он научился сосать молочко, Мурка родила Ласку. - Тамара Ивановна знала, что в этом возрасте ребенку трудно постичь всю сложность деторождения, достаточно сообщить некоторые доступные для него детали.

- Помнишь, как Мурка лизала его язычком? Каждая мама заботится о своем малыше.

- И я был в животе?

- Конечно. Ты был такой же, как Ласка, маленький и беспомощный.

Через некоторое время Миша снова вернулся к их разговору. Переосмыслив ее рассказ, он теперь уже хотел знать, были ли у него там игрушки, и показал взглядом, где именно. Ей пришлось огорчить Мишу: игрушек там не было.

«Как это наивно по сравнению с последней его фантазией, - не унималась Тамара Ивановна и опять что-то извлекала из прошлого. - А может, своеобразные талоны наметились, когда, как вызов, было брошено?»

- Ты тоже говоришь нехорошие слова! - дерзость вырвалась невзначай, и его чистые небесные глаза тут же отразили испуг.

- Что я такое могла сказать, Миша?

Он некоторое время колебался, повторить или нет (слово, по его мнению, было очень нехорошим), потом доверил, как большую тайну.

- Проститутка!

В голове у нее пронеслось: «Надо же, услышал, наверное, как я рассказывала анекдот». Ей пришлось срочно спасать себя.

- Это же цензурное слово. Давай проверим?

Под руки попался «Словарь русского языка», они склонились над ним и прочитали вслух: «Проститутка - женщина, занимающаяся проституцией. Проституция - продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию».

- Убедился, значить его можно употреблять! - но следующий вопрос десятилетнего сына застал Тамару Ивановну врасплох.

- А, что это значит, знаешь? - В голосе Миши прозвучало беспокойство. Он, скорее всего, придерживался мнения, что ее познания поверхностны, что она имеет недостаточное представление о таком недостойном образе жизни.

- А ты?

- Знаю! - уверенно кивнул сын.

«Уже знает», - отметила Тамара Ивановна для себя и попросила.

- Мне трудно в двух словах объяснить, что такое проституция. Я должна идти на работу. Давай вечером поговорим?

Миша согласно кивнул. Она ушла в школу и уже там все свободное время посвятила анализу сложной проблемы человеческого бытия. Но, просматривая литературу о половом воспитании, готового рецепта не нашла. Возвращаясь домой, чувствовала себя неуверенно. Сына увидела издалека. Он катался с ребятами на горке.

- Миша, - позвала Тамара Ивановна, - пойдём домой?

- Я только вышел, можно еще погуляю. Уроки сделаны.

- Мы же хотели с тобой поговорить, забыл?

- Ну, ма-а-ам... - протянул сын недовольно. И она поняла, что ему все равно, почему в их обществе существует проституция. Так они и не вернулись к этому разговору, просто не пришлось к слову.

Мише в этот вечер тоже было беспокойно. Как только мать ушла на собрание, он лег на диван, скрестив на затылке руки, и попытался представить все возможные последствия. Нет, мама у него, конечно, хорошая, но смотрит она на него как - будто через какое-то увеличительное стекло, и поэтому многие его поступки в ее глазах принимают невероятную величину. Он уже слышал, как она обо всем подробно расскажет отцу, когда тот придет с вечерней смены. И в самом конце добавит:

- Надо же сообразить: “Талоны на любовь”! Про Лену не подумал. В какое неловкое положение девочку поставил? Ты с ним поговори, Юра!

Папа ее выслушает и, ничего не пообещав, возьмется за газету. Это всегда маму обижает, обидит и на сей раз. И тогда мама начнет папу обвинять в том, что он безразличен к сыну. А на это отец ответит:

- Ну, чего ты его до сих пор пеленаешь? Он уже большой парень. Придет время, и сам во всем разберется. Меня никто не учил, сам до всего дошел.

После этих слов мама обидится еще больше и в знак протеста уйдет спать в его (Мишину) комнату. А утром отец улыбнется и скажет:

- Ты у меня - оригина-а-ал! - Потом, похлопает его по плечу и добавит, - вообще-то, ты переборщил с талонами.

И они сразу поймут друг друга. Нет, это можно пережить. И то, что Ленка расплакалась, когда их закрыли в классе - пустяки. Вот только не дают ему покоя слова Оксаны: “Ну и дурак же ты, Нечаев!” А он совсем не хотел быть таким в ее глазах. Это пережить непросто.

Тамара Ивановна открыла дверь своим ключом, встретила настороженные глаза Миши. Разделась, прошла в комнату.

- Уроки сделаны?

- Да.

Она села на диван и устало посмотрела на сына. «Господи, он ведь уже с меня ростом! А может Юра прав, надо какими-то другими мерками оценивать его поступки?» Сын молчал в ожидании приговора.

- Ольга Николаевна интересовалась, будет ли газета к восьмому марта?

- Ленка организует, - быстро ответил Миша.

Праздники в их доме начинались задолго до календарной даты. Приходила чуть ли не треть класса с ватманом, красками. Предлагали, что рисовать, спорили. Затем Тамара Ивановна делала карандашом на белом листе контуры нужного рисунка. Ватман опускали на пол. И дети, склонившись над ним с кисточками, раскрашивали каждый свой уголок, а она накрывала на стол. За чаем девочки наперебой жаловались ей, что противные мальчишки (и Миша в том числе) дерутся, дергают их за волосы. Особенно старалась бойкая, худенькая девочка с живыми темно-синими глазами («Елена Премудрая» - так она про себя называла Леночку). Тамара Ивановна слушала, неуверенно обещала повлиять на сына, хотя знала, что ничего изменить нельзя. Мальчики дергали девочек за косы и будут дергать, потому что не умеют еще по-другому выразить свою симпатию к прекрасному полу.

- Мам, а где наши открытки?

- Хочешь чего-то подобрать для газеты? У меня все в школе. Принести завтра?

- Нет, Ленка сама найдет. Я хочу посмотреть открытки.

Она порылась в книжном шкафу и подала ему то, о чем он просил. Миша придирчиво перебрал стопку, отложил одну из них и долго сидел за своим столом. Через некоторое время эта открытка случайно попала ей на глаза. Адресована она была Оксане, которая жила в соседнем подъезде, но никогда не приходила к ним с детьми, не жаловалась Тамаре Ивановне на Мишу, скорее всего из-за полного равнодушия к нему. Буквы были красиво выведены, чувствовалось, что он всего себя вложил в это незамысловатое по содержанию поздравление: “Оксана, - обращался сын. - Поздравляю тебя с Международным женским днем 8 Марта, желаю тебе хорошо учиться. М.Н.”

За день до праздника Миша встал в шесть часов утра и (ах, как бы кто не увидел) побежал с открыткой к почтовому ящику, который висел на торце соседнего дома. Провожая его глазами, Тамара Ивановна подумала: “А, может, и не все так плохо!”

Уроки этики

Мне иногда кажется, что Юлька Лытасова в школу приходит только для того, чтобы продемонстрировать нам и персонально Сашке Артюхину свои обновки. Мать у нее часто ездит по загранкам и привозит ей фирменные вещи, поэтому она и воображает. И, хотя Юлечка

чуть ли не каждый день меняет наряды, головка ее от этого умнее не становится: перебивается с двоек на тройки. Да и Сашка не очень-то смотрит в Юлькину сторону!

Последний урок – этика. Наш класс идет в кабинет Эльды, так мы сокращенно называем нашу классную руководительницу Элеонору Адамовну. Все садятся, достают тетрадки, ручки. Лытасова сегодня в новых джинсах. Они не дают ей покоя. Она останавливается у окна и делает вид, что ее там что-то заинтересовало. Сейчас прозвонит звонок. Мы успокоимся. Юлька же специально сядет последней: даст нам еще одну возможность оценить и позавидовать. Джинсы, конечно, - блеск! На бедрах - серебристая вышивка, внизу - бахрома...

А вот и Эльда... Она подходит к столу, обегает всех взглядом, приковывая к себе наше внимание. Подсказывает Лытасовой, что уже можно опуститься на стул. Демонстрация джинсов прекращается на 45 минут. Все... начинается треп о семейном счастье. На уроках этики Элеонора Адамовна убеждает нас в необходимости уважать друг друга и все человечество в целом. Хм! Неужели нам будет гарантировано счастье на всю оставшуюся жизнь, если мы выучим наизусть ее ценные заповеди?!

- Семья – это общество в миниатюре – разъясняет Эльда.

Выходит я, мой брат Генка, мать и отец – тоже общество в миниатюре. И между нами должно быть взаимное уважение. Да... вчера нас родители очень уважали! Папка получил зарплату. По этому поводу на кухне был праздник. Мать там тоже крутилась. А как же без нее! После застолья начался воспитательный процесс. В такие минуты любит отец потрепать нам с Генкой нервы.

- Показать дневники! – заорал любимый наш папочка, пошатываясь в проеме двери. И как всегда, его тупой взгляд при этом не предвещал ничего хорошего! Мать не уверенно предложила:

- Оставь их в покое.

Но его уже понесло.

- Дура, у Ленки тройки появились из-за Сашки Артюхина. Какого черта этот козел каждый вечер ошивается в нашем подъезде! - Отец потряс огромным кулаком над головой, доказывая свою проницательность.

- Завтра в подоле принесет, шлюха!

Мы с братом давно поняли: возражать отцу в такие минуты бесполезно, это может вывести его из себя еще больше, поэтому весь вечер демонстрировали покорность.

- Генка, урод! Куришь?

- Воспитатель хренов, пошли-и-и! – визгливым голосом потребовала мать.

Вскоре ей все-таки удалось нашего чуткого папочку увести в другую комнату, но мы еще долго наслаждались его «красноречием», потому что они так же истерично решали какие-то свои проблемы. Иногда дело доходило до легкой потасовки, но мать всегда одерживает над отцом победу, поэтому, наверное, он и изгаляется над нами. Надо же на ком-то самоутвердиться! И так до трех ночи. Вот бы Эльда послушала... ха-ха-ха... отношения строятся на доверии и взаимном уважении! Господи, наконец-то кончился этот нудный треп. Ура, звонок!

Узкоглазая Юлька вырвалась вперед, пристроилась к Артюхину и молча, но с достоинством понесла на своих худеньких бедрах новые джинсы. Рядом с шумом пролетели пятиклассники, но разве это может помешать Лытасовой!

Итак ... сегодня, кажется, отцу - в ночь, загляну-ка я к кому-нибудь в гости, а ближе к вечеру можно показаться дома...

Элеонора Адамовна проводила ребят усталым взглядом. Она чувствовала, что «семейное счастье» не всех заинтересовало. Юля Лытасова, например, весь урок косилась на Сашу Артюхина, Елена Берг вообще сидела отрешенная, а Костя Шахов увлеченно разгадывал кроссворд... «Слава Богу, рабочий день подошел к концу!» - пронеслось в ее голове. Бессонная ночь давала о себе знать... Вчера до двенадцати ждала мужа. Напряглась, услышав на лестнице тяжелые шаги. Пыталась определить, в каком состоянии

Игорь. Он долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Когда под навалившимся телом распахнулась входная дверь, она встала.

- Не спишь, стерва! Кого ждешь? Физика-а-а? Хре-е-е-нов интеллигент!

А потом молча, стараясь не выразить ни презрение, ни страх, выслушивала оскорбления и угрозы, зная, что только спокойствием можно потушить его желание кричать, ломать, громить. И где-то через пару часов все же получила заслуженное вознаграждение, муж перешел к заключительной стадии, начал скулить.

- Не любишь меня... презираешь..., мастер я, слышишь м-а-а-стер, целый день с рабочими на стройке, а не с бабами в учительской! ...де-е-еньги мои нужны!

Около трех ночи Игорь заснул, уронив голову на стол. Она убрала с его поверхности все, что можно нечаянно столкнуть и только тогда выключила свет и ушла в комнату дочери. Ирочка подвинулась и, не просыпаясь, доверчиво прижалась к ее плечу.. А утром, натываясь на встревоженный взгляд мужа, Элеонора Адамовна отводила глаза. Чувство его вины и ее негодующее презрение как будто заполнило все пространство в доме, сковывало, мешало сосредоточиться. С шумом в раковину опускалась посуда, красноречиво выражая ее состояние. «Нет не сейчас, не впопыхах, но предпринимать что-то надо...надо...надо...» - стучало в голове.

И только после окончания уроков, склонив голову над раскрытым классным журналом, она задумалась: Игорь не уйдет, это его жилье. Надо уходить ей с дочерью. Куда - к маме? Но там, в двухкомнатной квартире вместе с мамой живет еще младшая сестра Даша с мужем и трехлетним ребенком ...ну, допустим, на какое-то время приютит подруга. А потом? Домой Элеонора Адамовна пришла позднее обычного, разложила купленные по дороге продукты и прилегла на диван в комнате дочери.

Игорь открыл дверь своим ключом, прошел на кухню. Она слышала, как мягко открывалась дверь холодильника, зазывно позвякивала посуда.

- Я все подогрел. Поужинаешь вместе со мной?

- Не хочу...

Муж присел рядом. Воцарилась мучительная тишина.

- Ты прости меня за вчерашнее, не удержался, выпил...

«Каждый раз одни и те же слова! Лучше бы он их не произносил. Пройдет какое-то время и опять будут угрозы, оскорбления... Но, чтобы за стеной спокойно спала Иришка, снова придется, сжавшись от напряжения, выслушивать его несправедливые домыслы ...Уйти не куда!» - четко звучало в голове.

Игорь это тоже знал и понимал, что ей приходится прощать его от безысходности... Винил себя, зарекался ... и не сдерживался.

В ванной мокло белье, на столе для проверки лежала стопка ученических тетрадей, а в холодильнике со вчерашнего дня ждала ее чуть присоленная рыба ...

Но делать ничего не хотелось!

Однажды вечером....

Малосемейное общежитие – очень вместительное архитектурное сооружение. Валентине оно напоминало муравейник, в котором каждый муравей имел свое место и подчинялся определенным правилам. У нее тоже было свое место в малосемейке - комната номер четыреста пять. Вместе с ней в этой комнате проживали муж Сергей и двухлетний сын Димочка. Каждый из них имел ровно по три квадратных метра. Если все эти цифры сложить, все равно как, в уме или на пальцах, то получится сумма – девять. Порой она чувствовала, что стены давят, и тогда у нее появлялось навязчивое желание раздвинуть их руками. Чтобы попасть домой, Валентине приходилось подниматься по лестнице и несколько минут шагать по длинному коридору, по обе стороны которого симметрично друг другу располагались двери. Хорошо, если дорогу к комнате освещала тусклая лампочка на потолке, чаще это был только свет, проникающий через вечно разбитое окно.

Днем малосемейка скучала, потому что взрослые находились на работе, а дети – кто в школе, кто в детском саду. Но ближе к вечеру общежитие наполнялось различными звуками, и даже двери не могли заглушить их полностью: где-то, например, гремела музыка, где-то капризничал ребенок, а где-то могли на повышенных тонах, перемешивая речь отборным матом, выяснять отношения.

Ребятишки перемещались в это время суток из небольших комнат в общий коридор и долго играли там в свои незамысловатые игры: бегали, смеялись или же громко ссорились.

Периодически туда же выходили перекурить мужчины. Озабоченные бытом женщины из-за нехватки времени задерживались здесь редко.

В этот вечер дом жил самой обычной жизнью. За окном угасал солнечный майский день. Было тепло, но не душно. Комары еще не омрачали существование людей тонким пронзительным писком, поэтому жильцы доверчиво открывали окна и с удовольствием вдыхали весенний аромат. Перед крыльцом на деревьях распускались листочки, кое-где пробивалась зеленая травка, и ослепляли глаза ранние ярко-желтые цветы.

С шумом отпрыгали в грязном коридоре дети, женщины разложили в своих комнатах все, что можно было приспособить для ночного отдыха. Какие бы люди ни жили в этом доме, но и они к вечеру успокаивались. Наступала тишина.

Валентина тоже расстелила диван, который занял почти всю их крохотную комнату, и приготовила кровать для Димочки. Сергей, выйдя в коридор, перекурил перед сном. Она уже готова была уложить малыша в постель и спеть ему какую-нибудь незамысловатую колыбельную. «Как только сынишка уснет», - промелькнуло в сознании - «можно будет расслабиться: какой-то часик пожить для себя, поболтать с мужем или же просто раньше уснуть, чтобы завтра начать новый день, похожий, как две капли воды, на вчерашний». Сергей с газетой примостился у маленького светильника, Димочка зевнул на ее руках, и вдруг тишину разорвал женский вопль. Валентина и Сергей переглянулись. Даже ребенок, почувствовав что-то неладное, посмотрел недоуменно по сторонам и сильнее прижался к ней. Вслед за душераздирающим воплем, который раздался на верхнем этаже, последовали глухие удары. Валентина тут же представила себе картину с криминальным исходом. Мужчина бил женщину тяжелым тупым предметом. Жертва не сопротивлялась: не было слышно стука падающей мебели, люди не металась по комнате, не хлопали дверью. «Вот изверг, связал!» – подумала она. В протяжном вое чувствовалась обреченность. Он не походил на призыв «Помогите!», когда кричат из последних сил, истерично, чтобы привлечь внимание. Женщина принимала все, как должное, лишь громко выла. «Пожалуй, так воют, когда теряют что-то очень дорогое и навсегда» - мелькнуло в голове.

- Куда ты? – спросила она Сергея, когда он направился к двери, хотя можно было и не спрашивать. В глазах ее застыл испуг: «А вдруг и его ударят там тяжелым тупым предметом?» - Посмотрю... Да ты не бойся! – улыбнулся муж, угадав ее мысли.

Открылось еще несколько дверей. Она с Димочкой на руках выглянула в общий коридор. К Сергею присоединились добровольцы из других комнат

А женщина не унималась. Обреченный стон и равномерный стук будоражил сознание и пугал. «Если эта драма происходит за закрытой дверью, - предполагала Валентина - ее начнут взламывать. Шум отвлечет внимание от жертвы. Общими усилиями откроют комнату и, в конце концов, схватят озверевшего человека, свяжут и освободят несчастную женщину. Кто-то начнет вызывать милицию, кто-то - скорую помощь. Так что обе машины, наверное, приедут одновременно. Потом и его, и ее поведут по узкой лестнице вниз: одного - для оказания медицинской помощи, другого - для наказания. После чего обеспокоенные жильцы наспех обсудят это событие и успокоятся», - она, просчитав все действия до конца, выглянула в окно, но ни одной машины около подъезда еще не было. А женский вопль, как сигнал «SOS», все летел и летел сверху, и его тут же догонял равномерный стук.

«Ну что же мужики ничего не делают? Бедная женщина!» - недоумевала Валентина.

Наконец, наверху угомонились! Через некоторое время их четвертый этаж заполнился возбужденными голосами, это мужчины по дороге о чем-то весело говорили. Не только Валентина открыла свою дверь, из других комнат тоже выглянули любопытные.

Ну, что там!?

- Лариску любовник бросил: вот она и воет да топором на пороге комнаты вещи его рубит! Кое-кто остался в коридоре перекурить, кое-кто – узнать подробности. Наконец-то малосемейка стала затихать.

- В какой комнате живет Лариса? – тихонько спросила она у Сергея, укачивая малыша.

- В пятьсот шестой. Светленькая такая, она у нас в АТП когда-то кондуктором работала. Правда, недолго.

Валентина сосредоточилась, но вспомнить не смогла.

- Если бы я ее увидела, может быть и узнала ... Дети у нее есть?

- Вроде бы нет. Мужик все ходил к ней, но я его не знаю, нерусский какой-то.

- А сколько ей лет?

- Ну, где-то около тридцати.

- Баю, баю, баюшки, спят в кроватке заюшки, и лисичка спит и волк... -

переключилась она на Димочку.

Мальчик открывал все время глаза, как будто проверял рядом мама или нет, а может, просто прислушивался, тревожно чего-то ожидая... Через некоторое время сон все-таки сморил его. Сергей, уткнувшись в подушку, тоже успокоился. Валентина выключила светильник и легла рядом с мужем. Сумерки за окном все сильнее и сильнее сгущались. Чуть слышно перешептывались деревья, как будто бы убеждали тех, кто не мог уснуть: «Пора отдыха-а-ть... пора отдыха-а-ть...», но на душе было беспокойно. «Наверно, и Лариса не спит!» - думала Валентина, хотя как ни старалась, но вспомнить ее так и не смогла...

Сюрприз

Непродолжительный декабрьский день уже давно передал свои полномочия вечерним сумеркам. Приятно поскрипывал снежок под ногами Татьяны. И, хотя улицы небольшого поселка были плохо освещены, девушка шла уверенно. Знакомая тропинка вела к дому Анатолия. Конечно, сегодня он ее не ждет... Она спешила: ей так хотелось поскорее услышать удивленный возглас «Это ты?», увидеть радость в ласковых темно-синих глазах. В выходной день найти замену не очень-то просто. Но ей неожиданно повезло: Валентина Сергеевна, медсестра их отделения, сама подошла и попросила:

- Тань, ты не отработаешь за меня на неделе, а я бы в субботу вышла? Ко мне сестра приезжает, хочу встретить.

- С удовольствием! – обрадовалась Татьяна.

И все уладилось само собой.

Чтобы успеть на последний автобус, она после смены даже домой не стала заходить. Из больницы позвонила подруге, с которой вместе снимала небольшую комнату в малосемейном общежитии, и сообщила, что приедет только в понедельник. На автовокзале купила кое-какие продукты и вперед...

Толик после окончания института уже несколько месяцев работал на небольшом чугунном заводе. Поселили его в частном доме, который был разделен на две половины и, соответственно, имел два крыльца. Мария Ивановна, хозяйка этого дома, все ждала приезда дочери. Но та, которой предназначалась половина родового гнезда, сначала училась в городе, потом вышла там замуж и приезжала в родные пенаты только погостить. Предприимчивая «баба Маруся», так за глаза они с Толиком называли хозяйку, стала сдавать пустующую половину. Татьяна познакомилась с пожилой женщиной, когда приехала обустроить жилье Анатолия. Она под руководством Марии Ивановны побелила потолок, затем они уже вдвоем с Толиком поклеили обои. Баба Маруся, как мастер на производстве, заходила к ним и придирчиво следила за работой.

- Ловкая ты - хвалила Таню пожилая женщина.

- Я маме всегда помогала делать ремонт.

Потом Татьяна стирала шторы, которые дала ей баба Маруся, и домотканый половик, предназначенный для кухни.

Роскоши не было, но девушку радовали чистота и простор. Диван, кресло, журнальный столик, высокий бельевой шкаф с антресолью и старенький палас с серыми разводами, а еще Мария Ивановна подарила им горшочек с геранью и кустик остроконечного «алоэ». На кухне было тоже просто: стол, две табуретки и добротный белый сервант для посуды.

- Все необходимое есть – довольно улыбнулась Татьяна - Самое главное – крыша над головой. Господи, когда же своя-то будет?

Толик во дворе возился с дровами, а они с хозяйкой пили чай.

- Скорая ты на работу, молодец! – кивая головой, проговорила Мария Ивановна. Потом помолчала и спросила:

- Вы давно вместе-то?

- С Толей? Около шести лет. Правда, не расписаны...

- А чего не расписываетесь?

- Сначала учились, не до этого было, так как-то и пошло дальше... Теперь вот опять врозь... Не смогла на работу здесь устроиться. Медпункт маленький: вакансий нет. Все не так складывается, как бы хотелось.

- Парень-то он видный... Вместе надо быть, а то девчата у нас бойкие, неровен час - уведут!

Где-то внутри больно кольнуло. Толик никогда и не предлагал ей руку и сердце, но она надеялась, что это случится само собой. Дозреет он когда-нибудь и до семьи, и до ребенка... И будет все, как у людей! Остались в прошлом их студенческие годы, когда они были разбросаны по разным общежитиям. После получения диплома о среднем специальном институт поступать не захотела, хотя многие советовали, пошла работать дежурной медсестрой в больницу. Ее небольшой зарплаты уже хватало на оплату скромной комнатки в коммунальной квартире. Между сменами готовила Анатолию еду и стирала рубашки. Радость переполняла ее. Самое главное – теперь они были вместе. А если удавалось выкроить деньги на новую футболку или же брюки Толику, тогда душа просто ликовала от счастья. Но время летит быстро. Анатолий, закончив учебу, получил распределение на север. Не задумываясь, она поехала за ним. Вот только жить вместе опять не получилось. Ей пришлось устроиться на работу в райцентре и там снять комнату. И опять, как в студенческие года: она – там, а он здесь - в большом деревянном доме бабы Маруси.

К вечеру подмораживало. Почти из каждой трубы поднимался невесомый дым и медленно растворялся в темноте. Люди на ночь топили печки. Казалось, что за каждым окном небольшого поселка тепло и уютно. Даже яркие звезды смотрели вниз с какой-то завистью. Искрились сугробы, деревья как будто хвастались своими пушистыми белоснежными нарядами. Сердце радостно стучало, уже и сумка с продуктами не казалась такой тяжелой. Вскоре дом бабы Маруси выглянул из-за поворота. Странно, но на той половине, где жил Толя, было темно. «Наверное, на работе задержался или зашел к кому-нибудь, да засиделся» - подумала девушка. «Он ведь не знает, что я должна приехать, вот и не ждет».

Татьяна постучала в дверь к бабе Марусе.

- Здравствуйте, Мария Ивановна! Вы не дадите мне ключ от Толиной половины?

Холодно на улице ждать.

- Да он, вроде, дома!

- В окнах темно. Наверно, куда-то ушел.

Ключ плавно провернулся в замке, дверь бесшумно открылась, и Татьяна попала в просторные сени. Включать свет не было смысла, она опять забыла с собой принести лампочку, чтобы Толя мог заменить сгоревшую. В потемках, касаясь стены, успела, не спеша, сделать несколько осторожных движений, и замерла на месте, услышав быстрые шаги. Внутренняя дверь, которая соединяла сени и жилое помещение, запахнулась. Вышел Анатолий и, не заметив ее в темноте, скрылся в туалете. «Оказывается он дома...» - удивилась Татьяна и мышкой проскользнула в приоткрытую щель, которая вела в теплую квартиру. Спрятавшись за

занавеской, отделяющей кухню от условной прихожей, девушка затаилась. Прошла пара минут. Молодой человек зашел и резким движением захлопнул дверь. Щелкнул выключатель. Диван, прогнувшись под тяжестью, недовольно скрипнул. Все стихло. Татьяна боялась шелохнуться. Через некоторое время она, бесшумно сняла пальто и, нащупав рядом крючок для верхней одежды, повесила. Шапку положила в сумку, поставила рядом пимы. «Еще немножко подожду, затем пройду и сяду в кресло» - решила девушка. - «Главное не выдать себя раньше времени!» Осторожно передвигаясь вдоль стены, она нашла проем, который вел в комнату. Вот и кресло. «Может остановиться у дивана? Нет, напугаю..» - беззвучно рассуждала сама с собой Татьяна.

Любопытная луна, наблюдая за девушкой, скатилась вниз и повисла над самым окном, чтобы лучше рассмотреть эту встречу.

Пообвыкнув в темноте, Таня начала различать очертания мебели.

«Почему одеяло неестественно топорщится? Толя, ну догадайся, что я рядом... Открой глаза!» - мысленно обращалась к нему девушка. Через некоторое время молодой человек, видно что-то почувствовав, повернул голову в ее сторону, потом приподнялся, опираясь на локоть. Он долго всматривался, не веря тому, что в комнате может находиться Татьяна, даже встряхнул головой, как бы освобождаясь от наваждения... И, решив, что ему бог знает что почудилось, снова положил голову на подушку.

- Я где-е-есь, - не выдержав, тихонько позвала его Таня.

Анатолий резко включил свет. И только теперь девушка поняла, почему одеяло показалось ей неестественно приподнятым: на диване, за его спиной лежала женщина. Недоуменные, широко открытые глаза незнакомки, которые никак не могли спросонья понять, что происходит, копна ярко-рыжих волос, прикрывающая плечи – это все, что осталось в памяти. Татьяна метнулась назад к двери. Ноги мгновенно оказались в пимах. Схватив пальто и сумку, она выскочила на улицу. Пару секунд постояла на крыльце и затем забежала в приоткрытый дровяник.

Боль, обида, гнев – все смешалось. В голове стоял сплошной хаос. Мысли беспорядочно мелькали одна за другой: «Это в романах банально: муж, жена, любовница, любовник... Оказывается, как страшно, когда тебя предают!»... Ей была противна рыжая девица с широко открытыми глазами... «Нет, не мог Анатолий изменить... Это, скорее всего, она, наглая девка, сама залезла к нему в постель»... Хотелось вернуться, больно ударить или бросить чем-то тяжелым в ее лохматую рыжую гриву... «Толя, Толя! Как же ты мог? А какие права я имею на него? Кто я для него? Мне с ним было хорошо, а ему со мной - удобно! Я его кормила, одевала, решала бытовые вопросы... А может, он просто пользовался мною! Теперь круг расширился, он стал пользоваться еще и услугами рыжей девицы... Какая предприимчивость! Нет, не все же было так мрачно в нашей жизни! С каким восхищением он смотрел на меня... Ему завидовали друзья... Но это все уже осталось там, в прошлом...» Однако, мороз заставил ее надеть шапку и застегнуть все пуговицы на пальто.

В щель не очень плотно закрытой двери Татьяна увидела, как Анатолий выбежал, огляделся по сторонам и быстро пошел вдоль дороги к остановке. Через некоторое время он вернулся назад. Немного постоял, снова осмотрелся и поднялся на крыльцо хозяйки дома.

- Кто там? – услышала девушка голос бабы Маруси.

- Мария Ивановна, Таня к вам не заходила?

- Ее у меня нет.

- Ну, извините за беспокойство.

Он выкурил сигарету, поежился и, хлопнув входной дверью, скрылся на своей половине.

Татьяна из последних сил сдерживала крик отчаянья. «Предал, предал, все перечеркнул, подонок! Нет, я никогда не прощу ему этого!» - слезы скатывались на пушистый мех воротника.

Постепенно девушка стала приходить в себя: «Не проводить же всю ночь в закутке с дровами, надо выйти на дорогу, может, какая-то попутная машина проедет!» Она опустила в карман руки, чтобы достать рукавички, и вдруг наткнулась на ключ. «Конечно, неудобно тревожить

пожилую женщину в такое время, но его надо отдать...» Татьяна бесшумно поднялась по ступенькам и робко постучала в дверь.

- Кто там? – неуверенно спросила хозяйка, очевидно подумав, что ей почудилось.

- Это я – Таня. Возьмите, пожалуйста, ключ.

Мария Ивановна, увидев ее, запримечала:

- Танечка, ну заходи, заходи... На тебе же лица нет! Господи, ледышка! Я сейчас поставлю чайник... Да что же у вас произошло?

Баба Маруся стала помогать ей расстегивать пуговицы, повесила шапку.

Тепло, обнявшее девушку, прикосновение добрых рук, сочувствие – все это вдруг вызвало новый истеричный всплеск. Татьяна не вытирала слезы, а только рукой прикрывала рот, боясь неожиданного крика, ей не хотелось, чтобы его услышали на другой половине.

Мария Ивановна, включив чайник, села рядом, притянула ее к себе и стала гладить, приговаривая:

- Жива, здорова... все уладится... Мало ли чего в жизни бывает! Стоит ли так убиваться? Сейчас чай попьем. У меня блинчики есть и клубничное варенье.

- У него.. у него... там... другая!

- Я давеча поняла, только подумала, что они ушли. Тихо стало. Ничего тебе не сказала ... Не хотела расстраивать. Видный он ... Девки так и вешаются! Да, кто откажется от соблазна?

- Но я же не изменяю!!!

- Деточка, они по-другому устроены, мужики-то... Он может и тебя любить и с другой спать.

- Это же противно!

- Ну, наверное, и не так противно! Изменяют и мужики, и бабы. Кто-то недоволен, ищет что-то лучшее, а кто-то - просто ради удовольствия. Только, если мужчина изменяет ради удовольствия, то, я думаю, что это уже до старости, пока сил хватит.

- Мария Ивановна, что мне делать?

- Тут ведь и советовать трудно. Ты к сердцу своему прислушайся. Только сгоряча не решай. Я, Танюша, тоже когда-то своего мужа ни с кем не захотела делить. Красивый он был, как твой Анатолий. Одной и приглянулся. Только не сладилось у них ничего. Сколько раз просился назад! Не простила! А потом он жил за стеной, где Анатолий твой. У матери жил. Ходили мы с ним по одной тропинке, да все врозь.

Когда свекровь умерла, оставил свою комнату дочери и завербовался куда-то.

Пожалуй, лет двадцать будет, как не виделись. Может уже и не живой.

- И вы не пробовали его искать?

- Сначала гордость свою показывала. Поселок небольшой – все на виду, и дом разлучницы недалеко. А потом как-то привыкла. Радость у меня под боком была – доченька! Ради нее и жила, учила ее. Теперь вот внучек уже есть, в гости приезжают. Ты, Танечка, - молодая, красивая! Руки у тебя ловкие, душа - отзывчивая... Будешь еще счастлива. А жизнь... Она ведь состоит не из одних радостей. .. Ой, сколько всего еще в жизни будет! Чай-то пей. Остынет. Ну, вот и успокоилась... Припозднились мы, давай - ка спать...

- Нет, я пойду. Может попутку поймаю.

- Какая попутка ночью? Я тебя рано разбужу, первым автобусом и поедешь.

Поспишь на тахте. Дочка на ней спала. Ложись, утро вечера мудренее!

Татьяна разделась и легла. Но сон не шел. Было какое-то мучительное забытье. Время от времени сознание прояснялось и тогда в голове звучало одно и то же: «Не прощу, никогда, никогда не прощу!»

Авантюристка

Я гостила с сынишкой у мамы. Маленький северный городок, как яркая звездочка, все время мерцал для меня вдалеке. И если у меня появлялась возможность, я с удовольствием возвращалась к нему, чтобы обнять свою любимую маму и окунуться с головой в его провинциальную жизнь.

Нам повезло, стояла удивительная пора бабьего лета. Разноцветные листья ярким ковром ложились под ноги, а солнце на прощание радовало северян последним теплом. Я шла в магазин, чтобы купить продукты. Вдруг впереди меня мелькнуло что-то очень знакомое. «Лариса!» – неуверенно сорвалось с губ. Женщина обернулась. Это была действительно она: элегантный костюм, легкая походка и кокетливая копна золотистых волос...

- Сколько лет, сколько зим! – покачала головой моя знакомая.

- Наверно, больше десяти! Ты живешь в этом городе?

- Да! Как хочется пообщаться! Жалко, спешу на работу. Я раза два забегала к твоей маме, но никак не могла застать ее дома, хотела узнать о тебе!

- Можно встретиться вечером или в выходной?

- Согласна – одобрительно кивнула она в ответ.

- Ты мне позвони, договоримся, – Лариса назвала свой номер телефона, подождала, пока запишу его и скрылась за поворотом.

Я продолжила свой путь, но теперь меня весь день не покидали воспоминания...

Ее любимый мужчина после окончания института должен был отработать на лесосплаве три года. Рабочий поселок на берегу реки и зеленая тайга вокруг. Сплошная романтика! От райцентра, где уже чувствовалась некая цивилизация, километров сто. Лариса, как когда-то жены декабристов, конечно же, ринулась за ним, стараясь по возможности скрасить его «ссылку». Но в фармацевтах небольшой поселок не нуждался. Ей еще повезло: она сумела устроиться на работу в райцентре. По выходным дням автобус, который ездил один раз в сутки, строго по расписанию туда и обратно, доставлял их друг к другу. Услугами этого автобуса больше пользовалась она. Лариса приезжала, наводила порядок в его квартире, стирала одежду и готовила что-нибудь вкусненькое.

Глеб последний год работал инженером на лесосплаве. Я же, после окончания экономического факультета, только начинала сводить дебит с кредитом в бухгалтерии районной больницы. Мы с Ларисой оказались соседями по малосемейке: я на втором, а она надо мной, на третьем этаже. Напротив нашего подъезда стоял могучий тополь с огромной кроной густых ветвей. По утрам на его крепких ветках прыгали веселые воробьи и беззаботно щебетали о чем-то, но иногда в их громком переполохе я улавливала какую-то нервность и тогда мне казалась, что они, выясняя отношения, ссорятся между собой, как люди.

Вечером, возвращаясь с аптеки, Лариса заходила ко мне, или же, переступив порог своей комнаты, стучала условным знаком по батарее, что означало: «Я - дома, приходи!» Не знаю, почему она избрала для общения именно меня, ведь нас разделяло лет семь, хотя в нашем подъезде проживали и ее ровесницы. Выбор, скорее всего, остановился на мне, потому что я иногда помогала ей оформлять рекламные листки, а может потому, что жила под ней, и ей это было удобно. Мы очень быстро подружились и почти все вечера проводили вместе. Обсуждали чьи-то поступки, делились впечатлениями дня или же вспоминали что-нибудь из прошлого.

Моя соседка была человеком непростым. У нее все время возникали какие-то сложности во взаимоотношениях с людьми. Нет, с мужчинами, пожалуй, как-то все обходилось, даже - наоборот, благодаря своей внешности она умела обратить на себя внимание и добивалась того, чего хотела. Сложности, в большинстве случаев, возникали с женщинами, которые не хотели прощать ей легкого успеха и свойственной ей энергичности, поэтому она порой сторонилась их общения.

По выходным Лариса уезжала к своему Глебу, а я – к маме, которая жила недалеко от нас. Моей любимой мамочке было все интересно: что я ем, с кем работаю и как провожу свободное время... Прощаясь со мною она, не обращая внимание на мое недовольство, складывала в дорожную сумку баночки с вареньем, засолками, и пакетики с выпечкой. И снова терпеливо ждала меня на следующие выходные. Так преданно ждать своих детей умеют только любящие мамы!

Однажды, вернувшись как всегда с банками и пакетами, я застала Ларису в слезах. Некоторые плачут в голос, некоторые тихо скулят. Лариса не кричала в голос, не скулила, она сидела неподвижно, а по щекам ее катились слезы. Признание было коротким, горьким и банальным. На этот раз она приехала к Глебу не на автобусе, а на попутном такси: надо же, не упустила подвернувшийся случай. Если бы знала, чем это закончится, может быть и не так спешила... - Ты представляешь, я его с девицей застала. Сначала долго не открывал... Ну, думаю, крепко спит! Села на скамеечке, у крыльца, размышляю, что дальше делать? Деваться ему некуда, вышел. «Давай - говорит, - сумку твою занесу и пойдем, пройдемся, утро-то какое!...» А меня будто кто в спину толкает: «Нет - говорю, не хочу!» Он и так и этак... У входа все стоит, вроде часового, косяк подпирает. Я опять опустила на скамейку, он - рядом. Ну, так слово за словом – общаемся. Утро, действительно, замечательное: солнце светит, птицы поют... А потом как-то так случайно получилось, сказала: «Воды попью» - и резко шагнула к дверям, а она, красавица, сидит и ждет, когда он меня уведет подальше. Глеб, конечно, начал тут же оправдываться, а мне, представляешь, так противно стало, сумку взяла и назад - на остановку! А тут и автобус, который я опередила, подвернулся...

Итог всего этого - депрессия. На работе она держалась из последних сил, а вот дома, в моем обществе, могла себе позволить расслабиться.

- Я Глеба сразу полюбила. Увидела и поняла – он! Мне тогда было двадцать два, а ему – двадцать четыре. Высокий такой, глаза огромные темно-синие, тонешь в них, как в омуте. Он, после армии работал на заводе токарем, а я в аптеке – фармацевтом. Жил Глеб с бабушкой, часто заходил к нам за лекарствами. А в аптеке то одного нет, то другого... Раз помогла ему, другой раз... так и познакомились. Отца своего он ни разу не видел, мать тоже помнил смутно. Она бросила его, когда Глеб совсем маленьким был: оставила с бабушкой, а сама уехала с каким-то залетным офицером и сгинула... Стала я уговаривать Глеба в институт поступать. Поступил! Но бабушке на небольшую пенсию было сложно его учить на дневном отделении. Я помогала, чем могла, подрабатывала, за бабушкой его присматривала, даже уколы научилась делать. И сюда за ним приехала... Надо же, отблагодарил! Сына очень хотел – «Выучусь – говорит – и наследника заведем». Мерзавец!

Молодой человек предпринял еще пару попыток помириться. Но у него ничего не получилось, и со временем он оставил Ларису в покое.

Чтобы как-то помочь ей выйти из подавленного состояния, я несколько раз брала ее с собой на выходные. Правда, она не проявила интерес к моим друзьям и они ее, мягко говоря, как бы не очень «принимали». Лариса, в основном, общалась с мамой.

Но время – лечит. Конечно, моя соседка по малосемейке постепенно успокоилась и уже не всегда соглашалась ехать со мной.

Как-то в очередной раз, вернувшись от мамы, я с удивлением обнаружила в комнате Ларисы детскую кроватку с погремушками, на тумбочке возле этой кроватки – сложенное стопочкой белье: распашонки, ползунки, пеленки, а на столе, под белой салфеткой -

бутылочку с соской, пакет с детской смесью и пустышки. На мой недоуменный вопрос: «Что это такое?» Лариса нисколько не смутилась.

- Валентина получила новую квартиру... Кроватка ей уже не нужна. Да и эти детские принадлежности тоже. А я взяла. Мне пригодятся.

- Зачем? Ты ведь не ждешь ребенка!

- Не жду... - и загадочно ухмыльнулась.

- Я давно обдумываю одно дело... Глеб скоро уезжает! Слишком много в него было вложено, чтобы так просто отпустить его на все четыре стороны... Я все просчитала. Завтра иду к знакомой, у которой есть маленький ребенок. Сфотографируюсь с

ним. Еще сделаю несколько снимков с детской коляской, как будто гуляю с малышом... Мы больше года не виделись. Вполне могло быть и такое, что ехала я к нему, ну тогда, когда застала с девицей, сообщить о том, что у нас будет наследник, но в таком состоянии, конечно же, ничего не могла сказать. Можно предположить по срокам, что было у меня месяца три-четыре. Ребенку бы сейчас исполнилось полтора года. Я порву фотографии, но так, чтобы он мог увидеть меня с малышом и отвезу. Выберу время, когда Глеба не будет дома: я ведь могла приехать и его не застать... Оставлю на крыльце, возле порога. Создам видимость, что бросила сгоряча. Он, обнаружив их, приедет. Мужчине, которому тридцать с хвостиком... и вдруг почувствовать себя отцом... Женщины у него нет. Живет один, я узнавала. Он обязательно приедет, чтобы убедиться! Ключи от моей комнаты у него остались. Я думаю, что Глеб появится очень скоро... Примчится за доказательствами, а у меня – кровать, пеленки, детская смесь...

- Но ведь потом он захочет, чтобы ты ему показала ребенка?

- Захочет! Но я и это учла: полтора года... мне надо выходить на работу. Садика нет. Я могла ребенка отвезти к маме. Она на пенсии... согласилась понянчиться, пока мне не дадут место в детском саду. Логично!

- Хорошо, но рано или поздно, все-таки придется кого-то предьявить!

- И предьявлю! Соберу документы и возьму мальчика, похожего на Глеба, в детском доме. Я опешила. Взять ребенка напрокат, как детскую кровать с погремушками?...

- Ну, допустим, Глеб поверит! Но эти противные мелочи, надо будет все состыковать? Лариса, он же не глупый, поймет, что его обманули...

Но она ничего не хотела слышать и, как одержимая, начала осуществлять свой план. Срочно сделала фотографии и отвезла их. Навестила детский дом. Выбрала мальчика, похожего на Глеба и стала регулярно навещать его, чтобы малыш привыкал к ней. Взяла у заведующей список необходимых документов. Моя соседка как-то и меня уговорила поехать с ней, на смотрины...

В небольшом манеже находился синеглазый малыш. Лариса присела около него, протянула яркую игрушку, которую привезла с собой. Вид у ребенка был растерянный, он никак не мог понять заплакать ему или улыбнуться. Не очень уверенно взял игрушку своей маленькой ручонкой, не выразив при этом никакой радости, подержал ее и бросил...

Няня попыталась развеселить малыша:

-Что же нам такое принесли? Как звенит, давай послушаем, краси-и-во! –

Мальчик смотрел то на нас, то на няню, но улыбаться никак не хотел.

«А может он вообще не умеет радоваться» - вдруг осенила мое сознание грустная мысль. Всмотриваясь в лицо ребенка, я старалась изо всех сил представить себе портрет его предполагаемого отца. Меня все больше охватывало чувство тревоги: что будет с этим несчастным малышом, когда его втянут в авантюрную игру?

Глеб действительно приезжал, как и предполагала Лариса, приезжал, когда ее дома не было, но не захотел ни встретиться, ни объяснить, лишь оставил ключ от ее комнаты на видном месте, захлопнув за собой дверь с автоматическим замком. Через некоторое время Лариса узнала, что он рассчитался. Его принудительная «ссылка» на Севере закончилась: он уехал на родину.

- Вернется Глеб к тебе, вот увидишь – вновь успокаивала я свою соседку.

- Таких, как ты – не бросают. Все дается в сравнении. Никакая другая женщина не заменит ему тебя! Даже если с кем-то и попытается жить – не уживется! – старалась я изо всех сил, чтобы поддержать ее, хотя сама не очень - то верила своим словам.

Удрученная Лариса лишь отрицательно качала головой, выражая глазами, полными слез, благодарность за добрые слова.

Говорят, что беда одна не приходит. Как-то рано утром ей принесли телеграмму. Она, держа в руке почтовый бланк, спустилась ко мне. Отчим сообщал ей, что у мамы - инсульт. Лариса оформила отпуск без содержания и уехала. Но в назначенное время она не вернулась. Забжевав в аптеку, я узнала, что моя соседка звонила на работу и взяла дополнительно еще и очередной трудовой отпуск.

В это время я познакомилась с Михаилом, который в наших краях был в командировке. Миша стал уговаривать меня уехать с ним в солнечный город Житомир, где жил с родителями. «Конечно, мне очень не хочется с тобой расставаться, но может это - твоя судьба! Да и парень он вроде неплохой» - согласилась мама.

Лариса пришла в загс, поздравить нас. Подарила мне цветы и красивую хрустальную вазу, хотя на скромный свадебный вечер не осталась. Я поинтересовалась, как у нее дела. На долгий разговор времени не было. Она сообщила лишь, что маме лучше. Теперь за ней ухаживает отчим..

Молодой муж, новое место жительства – все это так захлестнуло меня, что я, честно говоря, не скоро вспомнила про Ларису. Прошло несколько лет. У нас с мужем появился очаровательный малыш... Я иногда его сравнивала с тем мальчишкой из детского дома, но наш сынишка был улыбочивым ребенком.

Наконец-то я собралась и написала письмо моей бывшей соседке по малосемейке. Долго не было ответа. «Наверное, уехала» - предположила я, и вскоре, действительно, получила назад свой конверт с надписью «Адресат выбыл». Так я потеряла ее из вида...

После нашей неожиданной встречи меня все время тянуло посмотреть на часы: хотелось поскорее позвонить ей. «Аптеки работают до семи - рассуждала я – дорога домой через магазин... ну еще час». В двадцать пятнадцать я с волнением набрала нужный номер.

- Добрый вечер!

- Наташенька, здравствуй, моя золотая! Я очень ждала твоего звонка. Ты надолго приехала? Где-еб, не отвлекайся, читай условие задачи! Очень хочу тебя видеть. Как твой муж? А мама? У тебя тоже сын. Сколько ему? Молодец! Еще раз внимательно прочитай условие задачи. Ну думай, думай! А моему - скоро десять. Слышишь, уроки делаем. Как Глеб? Это длинная история. Завтра суббота. Сын в школе, да-да, в первую смену. Можно встретиться часов в десять, приходи ко мне.

Я записала ее адрес и положила телефонную трубку, чтобы не мешать ей заниматься с сыном.

«Значит все получилось! Ай да Лариса!» - Мне казалось, что этот вечер тянется бесконечно, хотелось, чтобы как можно быстрее настало утро...

Найти ее дом для меня не составило особого труда. Дверь мне открыла Лариса. Сначала разговор сбивался, перескакивая с одного на другое. Ей хотелось знать, как сложилась моя жизнь.

Я постаралась коротко ответить на ее вопросы, чтобы, наконец-то, перейти к своим.

- Глеб маленький – сын того Глеба?

- Нет. Ты же помнишь, я очень тяжело перенесла разрыв с ним. Потом болезнь мамы, через год она умерла. И вдруг я почувствовала, что на этом свете у меня никого нет. Я – одна, понимаешь! И тогда решила: рожу для себя кого-нибудь, но лучше, конечно, девочку. Взяла путевку в дом отдыха... Рассудила, что там должны отдыхать только «холостые» мужчины. Я даже адрес его не оставила у себя и телефон выбросила, как только узнала, что у меня все-таки будет ребенок... - она замолчала, потом, улыбнувшись как-то загадочно, продолжила дальше. Иду я как-то из женской консультации, срок беременности еще небольшой был, ничего не было видно... Иду такая счастливая, уже к дому подхожу, а навстречу мне – Глеб. Сколько мы с ним не виделись... ну года три, наверное...

Увидел меня – просиял. «А я - говорит – насовсем!» Ты, оказывается, права была, когда говорила, что он вернется. Зашли мы в дом, спрашиваю: «Ну, как ты живешь?»

- Пробовал жениться. А бабушка мне одно и то же твердила: «А вот Лариса, а вот Лариса». Да я признаться, тоже нашу жизнь с тобой часто вспоминал... Плохо мне было без тебя, как-то не уютно. Да и семейная жизнь у нас с молодой женой не ладилась...

Вот за тобой приехал. Хочешь, здесь останемся, хочешь, к бабушке уедем, с ней жить будем... Она скушает по тебе!

- Я слушала его и думала: «Куда все делось?» Он мне теперь казался каким-то чужим, далеким, как будто и ничего не было между нами. Рассказала я ему про ребенка. Глеб говорит «Я его усыновлю, моим будет, поехали..»

Лариса посмотрела в окно и задумалась.

- И что дальше? – не выдержала я.

- Ты знаешь, когда в тебе жизнь зарождается, мыслишь уже по- другому. Он бы не смог стать отцом моему сыну. Я так хорошо его знала. Глеб для бабушки всегда был не только любимым, он был брошенным, несчастным. И она из последних сил старалась скрасить его существование, избалован он был ее любовью. Мне тоже передалось это чувство. Во всем себе отказывала: все для него, все ему... Он это принимал, как должное, а тут ребенок, да еще и неродной, нет, он не ужился бы с ним... Отправила я его назад к бабушке. «Тридцать пять лет – это начало жизни для мужчины, ты еще будешь счастлив, - попробовала убедить я Глеба – и женщину найдешь, которая родит тебе наследника». Так мы и расстались.

А вскоре предложили мне переехать в этот город. В аптечном управлении появилась вакансия. Квартиру дали. Конечно, когда узнали про беременность, испытали шок. Ничего пережили. Зато я хлебнула с ребенком, не дай Бог! Ни родных, ни знакомых... А Глебушка у меня такой болезненный был... Сама же знаешь как дети даются... Пей чай, остывает! Она стала собирать со стола посуду. Вдруг за дверью послышался какой-то шорох. Лариса встрепелась:

- А вот и мое солнышко из школы идет. И никого нам больше не надо!

Через несколько дней мы должны были с сыном уехать. Я еще раз навестила Ларису, чтобы пригласить ее с Глебом в гости к нам в Житомир.

Содержание

«Для любопытных...» Л.Г. Ханаева_1
«Как странно, что все уже было...»_2
Глаза, что в бархате ресниц...
Твой букет ромашек белых...
Нет, не пришел, и входные не хлопнули двери...
Достучаться до сердца хочу твоего...
Шары на елках, бусы, мишура...
Хочешь, ради тебя я заброшу стихи...
Молчал мой телефон в углу на полке...
Когда не ожидаешь чуда...
За окошком моим снегопад...
Когда ты усталый с работы приходишь...
Сколько слов обидных и колючих...
Я хотела уйти...
Я в любви тебе не клянусь...
Почувствовать, что не любима...
Вот и сны сбылись, мой милый, вещице...
Не удержал растерянный мой взгляд...
А счастье удалилось незаметно...
Лето кончилось
Не ревнуй меня к прошлому...
Я все испытала
Осенняя утихнет вьюга...
Как странно, что все уже было

Мысли вслух_9

Как дар природы внешность ей дана...
Не успели вы опомниться...
То мечтает, то мучат сомнения...
Тихо в доме
Возможно ли по выгодной цене...
Заботами своими жил роддом ...

Проза_12

Талоны на любовь_12
Уроки этики_14
Однажды вечером_16
Сюрприз_18
Авантюристка_22